

Стремительно заканчивается XX-й век. Сворачивается время — год, как день, день — как час. Не выдержав такого напряжения, рвётся пространство — внешне столь неожиданный распад постсоветской Российской Империи обнажил страшные бездонные провалы, из адских глубин которых вырвались в мир силы древнего хаоса. Близится 1999 год. Год, в котором, по пророчествам св. отцов, попущено будет третьей мировой войне. Господи, помилуй! — но нет ничего, что могло бы утешить, успокоить, уверить в ином исходе...

С внезапным устранением с политической арены великого Российского колосса, алчность иудео-протестантского Запада впрямую столкнулась с истеричной гордыней Ислама. Принимая во внимание идеологическую заземлённость обеих систем мировоззрения, ясно понимаешь, что конфликт у границ Израиля просто обречён на перманентность, вплоть до полного взаимоистребления: Мамона питается только кровью. Жажда его ненасытаема, а лишённое космополитической цивилизации национальных и государственных инстинктов, слепое к Христову свету, человечество конца века по колеям поиска сытости, комфортности и престижа покорно скатывается под жертвенный нож ядерной катастрофы. Повсеместно во всех сферах самосознания — религии, культуры и политики — уже открыто царят некогда тайные общества. Мохнатые лапки торопливо перекраивают на картах границы сложившихся геополитических союзов, рогатые головы бодают догмы социальных равновесий, копытца топчут остатки традиций. Во всём мире так восторженно «не ведают, что творят», что вновь и вновь величию Божия промысла о крестоносной судьбе Русской Земли, на тысячу лет поставленной своей кровью выкупать у греха жизнь всего человечества. Живой щит меж Европой и Азией, тысячу лет она неслиянно соприкасалась с ними, отражая взаимоотношения Востока и Запада, не замутняя самобытности и самодостаточности своей духовности под благодатным покровом Православия. Тысячу лет назад полюбивший Распятого, русский народ сам стал возлюбленным, приняв сердцем Воскресшего, сам стал бессмертным, и никакие ураганы зла не задули и не задуют его

благоразумную лампаду. Ни один народ, ни одна нация услышавшие Евангелие, не оказались в состоянии так прямо и просто в личном смирении подражать Господу в Его крестоношении. Вспомните гордых мучеников Рима, открыто выходивших исповедовать Иисуса Назарянина на аренах цирков, дабы быть сожжёнными или растерзанными львами. Вспомните дерзновенных мистиков Византии, постничеством и столпничеством вкладывавших перста в Христовы рёбра и в пустынных монастырях пытающих тайны Отцовского миротворения. Русские же святые начинались князьями Борисом и Глебом, продолжались царевичами Дмитрием и Алексием. Нашей вере близок огонь лампад перед Заступницей, а не живые костры Нерона или паникадило царьградской Софии. И почему, видя какие испытания попустил Господь русским, понимаешь ПОЧЕМУ не

бывать четвёртому Риму — ибо не было никогда и нет нигде ни у одного из народов такого смирения и такой кротости пред волей Всевышнего. И если уж русские не снесут бремени Православия, то что же ждать от японцев или датчан? Кто ещё может пасть на лицо и повторить: «Отче Мой! Если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить её, да будет воля Твоя».

* * *

Ныне окровавленная, изрезанная в осколки «независимых государств», Россия впервые с лихолетья Смутного времени оказалась так откровенно попираема европейской, американской и азиатской политической и экономической чернью, так безнаказанно нагло разграбляема бывшими вассалами, но не трудно предсказать какой силы грядёт ренессанс национализма в народе, уже отбывшем семидесятилетний плен «словесного Вавилона». Тяга, с которой русские люди, выброшенные на помойку «мировой цивилизации», потянулись к своим традициям, своим историческим корням, стала прямо пропорциональна давлению «развитых» обидчиков. Но поставит ли этот ренессанс себе во главу угла Духа Животворящего? Или это будет последней судорогой обездушенного материализмом смертельно больного тела.

Радостно, умильно христианскому сердцу видеть вновь открытые храмы. Радостно поработать на восстановлении древних монастырских святынь, на строительстве новых. Радостно через весь город пройти Крестным ходом посреди молодёжи. За последние три года поток новокрещаемых, девятым валом обрушившийся на редкие церковные островки, буквально исполнил пророчество св. Серафима. Россия крестилась во второй раз. И сразу столь резкий прирост неопитов породил массу новых неожиданных проблем церковного обустройства. Старые стены в праздники не вмещают пришедших, в новых приходах нет даже подсвечников, и, главное, повсюду не хватает людей. Не хватает проверенных, крепко воцерковлённых сторожей и просфорниц, нет достаточно обученных псаломщиков и регентов, проблемы с дьяконами и священниками — **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ИЗБРАННЫМИ БОЖИИМИ.**

Увы, падение большевистского ига не может быть чётко очерченным во времени. Кто знает, сколько ещё потребует страданий, чтобы выйти по следам Моисеевского пустынного вождения из греховного рабства. Нахлынувшая волна была волной чаще всего неосознанного, интуитивного влечения к забытой отцовской истине, влечения стыдливого замаскированного от возможных насмешек под простое любопытство. Но всё-таки её испугались и стали мутить изо всех сил, представляя всё простой модой, увлечением толпы свежей экзотикой. На всех телеэкранах и газетных полосах храмы и

кресты соседствуют с карибскими пляжами, монахини — с импортными автомобилями и духами.

Собственно, клир сам с удовольствием шагнул навстречу открывшейся популярности. Ранее оберегаемые, словно пчелиные матки в улье, епископы стали завсегдатаями многоядных собраний, презентаций и телепередач, кино- и поп-звёзды начали исповедовать публике о своих мистических переживаниях под водительством неких иноков, школы, университеты и ясли наперебой растащили священников по лекциям и курсам.

Правда, эйфория была недолгой. Слишком неприемлемы для церкви оказались условия, на которых бывший советский народ готов был разом стать православным — без покаяния и при кардинальных реформах богослужения: введения русского языка взамен славянского и сокращения времени самой службы. Эти условия разрушили соблазнительные для клира перспективы мгновенного обретения тысячных стад невоцерковляемых и сочувствующих. Врата Церкви прикрылись вновь, но уже не снаружи, а изнутри. Конечно, теперь не стало той воинственной непреодолимости из пасхальных милицейских кордонов, что отцеживали только старух, из унижительных доносов по месту работы родителей крещаемых детей — всего того, что было до 1988 года. Теперь граница перестала быть видимой: обречённая на круглосуточный аврал, не будучи в состоянии огласить всех приходящих, степенно провести ритуалы таинств, церковь, защищаясь от самоубийственной перегрузки, выдвинула окружающему её миру обвинение в окончательном необратимом саддукействе.

Отсюда пошёл поучающий холодок чувства собственного превосходства в отношении со всеми, кто мгновенно не меняет образа жизни. Эта надменная нетерпимость в первую очередь стала разрушать переходную по степени религиозную прослойку, которая увеличивала собой поверхность соприкосновения строго ортодоксального ядра с достаточно аморфной, но перспективной средой. Обидно, что именно таким образом была засушена и умерла, может быть слишком интеллигентская, слишком неоформленная в конкретику, идея Православия Братств.

Этим немедленно воспользовались эмиссары самых различных богоотступнических конфессий и сект. Все средства массовой информации, кинотеатры и стадионы стали наперебой предлагать поиграть в религиозные переживания, умильные истерики и транс, усыпляя растревоженную перестройкой совесть сладкими слезами самолюбования. Заборы повсюду просто пестрят портретами и призывами гуру и новоапостолов, папских нуциев, магов и иных «белых братьев». Вся эта буйная ватага

вряд ли способна была сегодня найти базу среди резко обнищавшего, напуганного путчами народа замкнутого только на материальном. Ничтожное количество бесталанной, но честолюбивой молодёжи и одинокие истеричные женщины Бальзаковского возраста — да это всё те, кто и так ни за что не вошёл бы в церковную ограду. Жаль, что азарт, с которым идёт эта имитация Евангельской проповеди вперемежку с политическими нападками на Православие, вызвал к жизни соревновательный дух наших священнослужителей. При острейшей нехватке книг духовносозидающих — как служебных, так и поучительных, Церковь стала занимать свои и так слабые полиграфические мощности под разоблачительную литературу. При скудности православных теле- и радиопередач — многие часы отдаются не на богоспасительное наследие св. отцов, а под схоластические лекции сравнительного богословия. Причём и лекции эти с лукавинкой — против римо-католической и протестантской ересей открыто выступать не принято. И вряд ли из чувства христианской солидарности.

Это желание не уступить в виртуозности словосплетения схоластике Запада перед судом смыслоискательской интеллектуальной публики высветило в среде православного клира новый тип городского священника. Молодой, подтянутый человек 25-35 годов с высшим светским образованием, любитель иконописи и ревнитель канонов, великолепно разбирающийся в преданиях и символике христианства и язычества. Всегда — в отличии от старшего поколения — в подряснике и с крестом, он эффектно смотрится на фоне примелькавшегося образа нашего русского «попа» — зажатого до надменности часто косноязычного, сразу после службы спешащего разоблачиться и скрыться от всех и вся до следующей череды. Молодой «новый тип» окружён особым благоговением прихода — ибо когда день начинается в половине шестого, а заканчивается далеко за полночь, когда этот день расписан буквально по минутам — собор, требы, школа, тюрьма, катехизационные курсы, а ещё нужно читать, а детей своих видишь только спящими — это благоговение воспринимается как нечто само собой разумеющееся, честно заработанное.

Для моего современника, воцерквляющегося после отказа от «самостоятельного» вне-традиционного материалистического или ложномистического мировидения, чётко ощущается внутренняя логика канонов православного образа жизни, не вызывает сомнений ритмика постов. Очень быстро перестаёт удивлять проявляемая, при внимательном отношении к себе, связь миров — материального и духовного. Опытно познаёшь силу молитвенных обращений к тому или иному святому, избавление от болезней через Таинства, очищение от грешных помыслов через земные поклоны, и от страстей — через аскезу. Т. е. узнаёшь то, что должно было бы формировать тебя с раннего детства. Но упражняясь в новой жизни, печально понимаешь, что передать свой новый опыт за церковную ограду практически невозможно: всё скатывается либо до сказаний про чудеса, либо йоги. Поэтому современного православного человека постоянно преследует соблазн «двойного стандарта». Принять его — значит впасть в

иудейское, протестантское или старообрядческое деление мира на «уже спасённых» своих и «уже погибших» чужих. Отказаться... — но тогда... в общем, это трудно. Трудно не требовать от других то, что требуешь от себя. И тут приходят на помощь различные правдоподобные аргументы — «ревность о Боге», «забота о ближнем», «евангелизация неправовверных». Проблема лишь в критериях — по каким признакам от этого человека ждать полной меры исполнения церковных правил и обличать его в случаях малейших отступлений, а на этого махнуть рукой? Увы, вопрос непростой. Он не мог возникнуть в 17 или 19 веке — тогда требования были ко всем одни. В советский период по своей противоположности — так же одни. А сейчас, после выхода из «Вавилона», вполне возможен повтор ситуации древней Иудеи: народ, забывший своё историческое предназначение бессмысленно суетится под собирающимися тучами Божьего гнева. Тогда ревностная часть иудейского священства отреагировала фарисейством: определив себя как предсказанный пророками «остаток Израиля», и отгородилась от окружающих «грешных». Тогда благие желания предельно во всём соблюдать Закон, как помните, привели к законническому богоубийству.

«Бойтесь закваски фарисейской».

Но жизнь есть жизнь, и действительно, когда в один день приходится совершать Приношение Даров и читать лекцию по истории крещения Алтая, то просто по-человечески невозможно одинаково взирать на тех, кто в слезах покаяния подходит к Причастию, и тех кто отсиживает семинарский час. Поэтому, оберегаясь от греха осуждения, попробуем кратко повторить объективные, не зависящие от чьих-то личных качеств, предпосылки возможности появления нового фарисейства.

Первое. Ускорение частоты экономических и политических потрясений в мире и Отечестве конца века, при мгновенной информированности о них новыми средствами коммуникаций приводят население к состоянию перманентного шока и, как следствие, к утрате остроты эмоциональных переживаний, к невозможности полноценной сердечной (в т. ч. молитвенной) жизни. Получаемый приоритет интеллекта низводит человека к люцифирианскому мировидению, поэтапно ведущему постхристианский «цивилизованный» мир от саддукейства (отказ от мистики), через цинизм (материализм) к открытому сатанизму (богоборческому безумию).

Второе. Семьдесят лет — время трёх поколений гонений, пыток, казней. За эти годы наша Церковь только количественно сократилась в десятки раз. А ведь уничтожалась она прежде всего качественно. И особо злобно истреблялось то, что чтилось ранее превыше всего — монашество. Т. е. убивалась школа сакральной духовной жизни

русского народа. Остатку служащего священства позволялось только молчаливо исполнять обряды. За проповедью следовало десять лет лагерей. Страх трёх поколений стал наследственной болезнью священников старшего поколения, пастырским параличом.

Третье. Празднование Тысячелетия крещения Руси разорвало кольцо осады. Приток неофитов, в т. ч. огромных масс молодёжи, разбавил и так уже ослабленную закваску. Непонимание славянского языка, незнание последовательности богослужения, неподготовленность к Таинствам — если бы не благодатный призыв, то храмы вновь опустели бы через полгода. Но, по воле Божией, народ всё же понемногу прибывает — открываются новые приходы: без достаточной служебной литературы и утвари, без хоров и псаломщиков, без постоянных помещений. Без живых носителей традиций приходской повседневной жизни. В такой ситуации самое страшное — спешное рукоположение.

Это уже четвёртое. Молодой человек с честнейшими помыслами и горячим сердцем, но не успевший обрести в своём недавнем воцерковлении достаточного духовного опыта, не искушённый в невидимой брани, обычно — в силу необходимости! — уже через год под многократное «Аксиос!» бросается в житейское море в новом сане. По принципу: «Господь поможет — выплывет». Слава Богу, если епископ не ошибся, и этот «новенький» иерей действительно ИЗБРАННЫЙ и под благодатным Покровом тут же не попадёт в страшные лапы бесов — эпилепсии, пьянства или стяжательства.

Новое время ставит новые задачи, но чтобы осознать само понятие «новизны» необходимо обладать достаточным жизненным опытом. Был период, когда Русская Православная Церковь главным своим служением видела возможность исполнения религиозных обрядов и совершения Таинств. Настал период самой спешной катехизации обезбоженной большевизмом России. В этом сотворяется не наша воля, и не нам кого-либо судить. Но очень трудно — по человечески трудно — молодому, образованному, честно исполняющему требования церковных правил (да просто незапуганному!) молодому священнику воспринять для себя непререкаемым авторитетом, тем более «примером для подражания» ветерана «церкви пленения». Скорее уж он будет сам искать образцы для своего поведения в книгах: житиях, посланиях, монастырских уставах. А где своеволие — там крепко пахнет серой. «Аще законом правда, убо Христос туне умре» (Гал. 2. 21).

Увы, но всё множатся примеры, когда ревностное отношение к делу спасения ведёт к обратным результатам. И самый глобальный, самый болезненный пример —

принципиально непримиримое столкновение на Российской земле двух (если такое может быть?!) Православных Церквей. Сколько грязи в эти годы перекрёстно летит через головы паствы от «Патриархии» и «Зарубежников». Но не будем брать частных проявлений взаимозлобленности. Главное здесь — это при всём желании отмежеваться друг от друга — общая платформа взаимопетензий: уверенность обеих сторон в своей правильности. Не в ПРАВДЕ, а в ПРАВИЛЬНОСТИ. Обвинения строятся в юридической плоскости: кто и где отступил от правил, точнее сказать — чья администрация больше нарушила законы. Какое-то время назад казалось, что отвратительные баталии устраиваются в чисто политических интересах противоборствующих «социальных систем», что это взаимобиды правящего архиерей-ства уйдут со сменой поколений. Но вот рухнул коммунистический режим и повсюду воцарилась Демократия, и теперь стало достаточно ясно, что раскол, вовлекая всё новые задорные силы, будет продолжаться и дальше. Ибо это болезнь самой Православной Церкви. Свидетельство того, как теплохладность девятнадцатого века перетекла в холодность духовенства двадцатого. По-видимому, мы можем стать несчастными свидетелями непримирения — возвращения диаспоры в материнское лоно, а нового, более страшного общецерковного раскола. Очевидность быстрого созревания базы для очень привлекательной на фоне общего разброда и нестроения секты нового фарисейства опирается на совершившийся уже в основном отрыв Церкви от народа и холодок меж «новым» и «старым» поколениями священства. Именно под привлекательным флагом возрождения внутри клира идёт постоянный непримиримый отсев всего, что мешает чёткости и исполнительской чистоте церковных правил.

А мешает, как всегда — мистика.

Господь никогда не оставляет нашу Церковь без Своих свидетелей. Во все времена и по всей Руси мы встречали и встречаем праведников высочайшей духовности. Клирики или миряне, иноки и семейные — они своей необыкновенной жизнью уверяют нас в том, что живём мы под рукой Бога живаго, что нам, православным христианам даны не каменные скрижали, а умное деланье Иисусовой молитвы. Что нет нам Закона, а есть Благодать. Откройте книгу житий святых: нет двух одинаковых судеб, двух одинаковых путей спасения. Один всю жизнь не выходил из кельи, а другой бродил нагишом по Москве, один молчал в пустыне, а другой побеждал в богословских диспутах. Не забыт русский народ и ныне. С каким благоговением перечисляет он имена страцев Троице-Сергиевой Лавры, Псково-Печерского монастыря. Да в каждой епархии чтут одного-двух-трёх явно духонос-ных священников. И дело тут не в дарах исцеления или пророчества. Народом почитается именно сама возможность через угодника прямо услышать голос невидимого, непостижимого грешному миру Бога.

Что удивительно — как правило эти люди повсюду оказываются в зоне холодной

подозрительности окружающего клира. Лукавый ли тут виноват, или это просто человеческая ревность помноженная на профессиональную зависть к слишком уж внешне простому обращению с полученными дарами Духа? В любом случае это свидетельство душевной слепоты тех, кто, неся на себе благодать сана, лично не в состоянии воспринять и срезонировать сердцем на силы, истекающие через праведника. Эта слепота ищет сама оправданий и с удовольствием находит их в странностях подозреваемого своим неадекватным поведением слишком часто нарушающего кормчие правила. Если пойти по этому пути и далее, то уже ничего не останется как, сговорившись, хором обвинять одного в ложной мистичности, в прелести. А чувство внутренней неуверенности (всё-таки душа живая) задавить сотней земных поклонов, добавить к постам понедельник, отказаться от телевизора.